

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В соответствии с традициями нашего журнала раздел «Из истории политической лингвистики» включает переводы на русский язык зарубежных исследований, относящихся к начальным этапам развития политической лингвистики. Мы публикуем как «классические» исследования, оказавшие заметное влияние на становление и эволюцию политической лингвистики, так и статьи, которые ярко демонстрируют специфику того или иного научного направления. В предыдущих выпусках журнала были широко представлены исследования первой половины прошлого века, выполненные в рамках количественной семантики и контент-анализа, риторического критицизма и политической семиотики, стилистики и психоанализа. В настоящем выпуске публикуется перевод статьи профессора Дональда А. Стрикленда «On Ambiguity in Political Rhetoric: Defeat of the Rat Control Bill in the House of Representatives, July 1967», которая была впервые напечатана в 1969 году в журнале «Canadian Journal of Political Science / Revue canadienne de science politique» (Vol. 2, No. 3, с. 338-344). Исследование выполнено в русле лингвопрагматики, популярного направления американской политической лингвистики, оказавшего значительное влияние на развитие интенционального анализа политической коммуникации, особенно анализа речевых стратегий и тактик.

Стрикленд Д.А.
Иллинойс, США

Перевод Калыгиной М.Ю.

О НЕЯСНОСТИ

В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ: ОТКЛОНЕНИЕ ЗАКОНОПРОЕКТА О БОРЬБЕ С КРЫСАМИ В ПАЛАТЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОНГРЕССА США В ИЮЛЕ 1967 ГОДА

УДК 81'27: 808.5

ББК Ш 100.3

Аннотация. Демократические режимы находятся под влиянием различных форм политической риторики, которые уменьшают роль аргументации и логики в процессе принятия государственных решений. Настоящий очерк анализирует текст известных дебатов в Конгрессе США по поводу Законопроекта о контроле над крысами. Пункт за пунктом, в порядке простой очередности были рассмотрены выступления членов Конгресса, чтобы определить степень их неясности и двусмысленности. Оказалось, что противники законопроекта (республиканцы, консерваторы или демократы Юга) прибегали к подобному типу высказываний в четыре раза чаще, чем его сторонники (республиканцы, либералы и демократы). Было также обнаружено, что во время дебатов значение обсуждаемых проблем намеренно искажалось, а также появлялись дополнительные, провокационные вопросы. Статья заканчивается несколькими гипотезами по поводу нерешенных проблем законодательных дебатов с точки зрения социальной психологии.

Ключевые слова: политическая риторика, двусмысленность, дебаты, Конгресс США, законопроект.

Сведения об авторе: Дональд А. Стрикленд.

Место работы: Северо-Западный университет Иллинойс, США.

Сведения о переводчике: Калыгина Мария Юрьевна, аспирант, ассистент кафедры гуманитарных и социально-педагогических дисциплин.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 624130, Свердловская обл., г. Новоуральск, Театральный пр-зд, д. 9, кв. 60.

E-mail: kmi77@mail.ru.

Strickland D.A.
Illinois, USA

Translated by Kalygina M.Yu.

ON AMBIGUITY IN POLITICAL RHETORIC: DEFEAT OF THE RAT CONTROL BILL IN THE HOUSE OF REPRESENTATIVES, JULY 1967

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Abstract. Democratic regimes are committed to various forms of political rhetoric, which diminish argumentation and rationalism in the process of legitimation. The essay analyzes the text of the well-known debate in the United States House of Representatives on the Rat Control Bill. Step by step the author examines the Congressmen's speeches in order to determine the degree of ambiguity and vagueness. It was found the opponents of the Rat Control Bill (who were all Republicans, Conservatives or southern Democrats) made irrelevant utterances about four times as often as did the proponents (Republicans, Liberals and Democrats). The meaning of the problems under discussion was deliberately mutilated and we also could find some additive emotional questions. Several hypotheses come to mind in the course of the study, but they must await further research for their resolution in the network of social psychology.

Key words: political rhetoric, ambiguity, debate, the United States House of Representatives, bill.

About the author: Donald A. Strickland.

Place of employment: Northwestern University, Illinois, USA.

About the translator: Kalygina Mariya Yuryevna, Post-graduate Student, Assistant Teacher of the Department of the Human and Socio-pedagogical Disciplines.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Демократические и недемократические политические системы испытывают двойственное влияние рационального дискурса: с одной сто-

роны, любые политические руководители не могут руководить эффективно, пока они не найдут общий язык друг с другом, с другой сто-

роны, чем демократичнее режим, тем лучше избиратели представляют, что именно и зачем делают их представители, и тем больше руководители знают, что их избиратели требуют и почему.

Поэтому рассмотрение роли неясного изложения мыслей в риторике демократов заслуживает внимания. В данной работе мы не хотим отрицать того, что двусмысленность и утаивание правды являются политической необходимостью. Даже если бы не было ситуаций, где «благороднейшая ложь» служит во спасение большинства граждан (ср. благополучия руководителей), то, бесспорно, существует множество случаев, где такт, дипломатия и человеческая интуиция подсказывают нам, как наиболее корректно преподнести правду. Выделим два мощных психологических стимула к двусмысленности, которые превосходят тактичность и жадность.

Первый стимул состоит в том, что неясность ведет к загадочности, а загадочность стимулирует недовольства и желания. Стадия, на которой ситуации придается таинственность, сменяется стадией эмоционального возбуждения и спада напряжения с переходом к стереотипу.

Второй стимул к двусмысленности – это наше желание мира и сплоченности. Это желание не исполнится, если ошибки руководителей будут сразу же становиться достоянием общественности или если политические диссиденты будут продолжать ныть и жаловаться. По мнению Льюиса Мамфорда, неясность в языке политики берет свое начало в монархической форме правления (фараон никогда *точно* не знал, к чему могут привести его приказы) и является неотъемлемой частью нашего современного технологического общества (по этой же самой причине) [The Myth of the Machine 1967].

Цель данного эссе заключается не в том, чтобы исследовать уместность политического лицемерия, а, скорее, в том, чтобы внести вклад в развитие политической семантики [Lasswell, Leites 1965], дополнить ранее проводимые исследования примерной типологией двусмысленных высказываний. Выражаем благодарность за вдохновение К. Леви-Строссу, Н. Лейтесу, К.Н. Ллуэллину и М. Эдельману. Данное исследование не следует путать с философским анализом политического языка, проведенным, например, T.D. Weldon, The Vocabulary of Politics (Baltimore, 1955), или Brian Barry, Political Argument (London, 1965).

Однако если не нарушаются определенные этические нормы, двусмысленность может иметь преимущества, тогда как в других случаях политическое лицемерие отравляюще действует на демократические процессы. Добавим, что двусмысленность в высказываниях также является важным симптомом душевного расстройства, так как характеризует речь людей, страдающих шизофренией [Wender 1967: 332].

В нашем повседневном языке понятие «двусмысленное выражение» имеет две главные

коннотации: (1) высказывания, которые слушатель считает неясными или бессмысленными, и (2) высказывания, которые воспринимаются как намеренно двусмысленные. Интересный подробный анализ видов двусмысленных выражений представлен в работе William Empson, *Seven Types of Ambiguity* (London, 1963). В данной работе мы не следуем подходу Эмпсона, основывающемуся на анализе литературных материалов, так как данный подход является слишком строгим относительно наших данных. Кроме этого, Эмпсон не уделяет должного внимания запутыванию и негативному эффекту двусмысленности в таком виде, в котором нам бы хотелось осветить обозначенный феномен в настоящей статье. В обоих случаях мотивом двусмысленных выражений служит желание обмануть, ввести в заблуждение или закодировать информацию (т.е. общаться с помощью меньшего количества слов). Когда предполагаемый мотив – обман, мы называем это «лживость». Когда предполагаемый мотив – уклонение от принятия жестких решений и создание иллюзии консенсуса, мы называем это «запутывание».

В качестве примера политической риторики были выбраны дебаты в Палате представителей США (H.R. 11000. Текст дебатов можно найти в официальном издании Конгресса США "Конгрэшил рекорд" от 20 июля 1967 г.), связанные с Законопроектом о борьбе с крысами. В своем выборе мы руководствовались следующими соображениями: отклонение этого законопроекта в Палате (цель законопроекта H.R. 11000 – узаконить выделенные государством в 1968 и 1969 г. 20 миллионов долларов в качестве программы материальной помощи местным органам власти для борьбы с крысами) было связано с городскими расовыми беспорядками 1967 года; дебаты проходили во время беспорядков в Ньюарке и Детройте, то есть было бы трудно поспорить, что дебаты должны быть обычными просто потому, что обстановка и последствия были обычными. Эмоциональная атмосфера во время прений была привычно напряженной – ровный монотонный ритуал «Замечаний» в зале заседаний Парламента. Само название Законопроекта содержало в себе неуместную аллюзию (слово «крыса» – очень распространенный американизм, которым называют антисоциалиста или неугодного человека).

После заключительных прений совещательного органа прошло голосование. Голосование в свою очередь показало реальное отношение конгрессменов к Законопроекту. Содержание Законопроекта было достаточно определенным и лаконичным (выделение государственных средств городу на дератизацию), таким, что можно было безошибочно определить степень важности-неважности проблемы.

Важность, скажете Вы, трудно оценить. Многообразность дискурсивной речи мешает всяким измерениям *с самого начала*; и конечно, следует согласиться, что любые *политические*

дебаты очень трудно поддаются количественному измерению.

Политические дебаты – это социальное явление, в котором каждый участники по-своему определяет суть проблемы; и именно на этих различных подходах к проблеме основывается критерий важности. Поэтому в данной работе мы не столько пытаемся предложить *семантическое* измерение важности, сколько измерение *неясности* на том основании, что каким бы ни было Ваше видение проблемы, высказывание становится менее и менее важным, потому что оно становится сомнительным либо совсем теряет коммуникативную функцию.

Не следует оставлять без внимания тот факт, что цель некоторых высказываний – преднамеренно привести в замешательство, обмануть, вызывать гнев и т.д. Однако следует подчеркнуть, что любой процесс принятия решений, связанный с оценкой реальности и распространением информации о реальных событиях, должен обладать высокой степенью недвусмысленности коммуникации.

Предлагаемая нами шкала, с одной стороны, проста, а с другой – объемна. Поэтому статистически важные данные, собранные по этой шкале, оказались показательнее данных, полученных с помощью более совершенной семантической шкалы. По данной шкале, высказывания, в которых *нет* неясности или двусмысленности, относятся к группе с индексом «0». Высказываниям, в которых присутствует косвенный намек, *двусмысленное выражение* или игра слов, присваивается индекс «1». Высказывания с неясным или двойным смыслом, выходящим за пределы индекса «1», получают индекс «2».

Термин «Неясность» используется здесь для обозначения высказываний, которые в контексте не содержат никакой информации либо содержат несколько возможных значений (и поэтому несут мало информации или совсем не содержат таковой, подобно «шуму» в теории коммуникации). Неясность следует отличать от неопределенности и абстракции, а также от эмоциональности, ценностных суждений и переопределения проблем.

Более того, в данной работе термин «неясность» относится к суждению автора (меня самого), который понимает смысл дебатов, политический контекст и логические последствия речей. Ввиду отсутствия методов, проверка истинности результатов данной исследовательской работы не проводилась.

Единицей анализа в данной работе является предложение с любым количеством слов, характерным для синтаксиса английского языка, в котором имеется не менее одного подлежащего и одного сказуемого, а также не более одной основы. Предложение с одним подлежащим и двумя сказуемыми будет считаться дважды.

Так как цель данного исследования топографическая – предположить, какие скрытые модели (если таковые имеются) можно обнаружить в определенном примере полиморфного поведения законодательной власти – нет необ-

ходимости выдвигать какие-либо гипотезы к моему подходу. Однако уместность некоторых гипотез рассматривается в заключительной части нашей работы.

Таблица 1

	Отношение говорящих	Частотный показатель	Кол-во выступавших	Кол-во предложений
Показатель общей неважности неуместности	за против	.056 .203	11 10	322 290
Показатели общей неважности: речи, состоящие из более, чем 30 предложений	за против	.050 .204	6 4	233 235
Показатели абсолютной неважности («2»)	за против	.003 .024	11 10	322 290
Показатели абсолютной неважности («2»): речи, состоящие из более, чем 30 предложений	за против	.004 .030	6 4	233 235

Полученные данные представлены в виде (а) показателей частотности (Ввиду того, что раскодировка информации производится разными реципиентами, проверка значений по данным показателям не проводилась, что не гарантирует достоверность значений. Описание способа обоснования, применяемого в данной работе, можно найти в D.A. Strickland and P.R. Kress, "Tests of Significance in Political Analysis," in M. Haas, ed., *Statistical and Quantitative Methods* (Evanston, forth coming)) по «шкале неясности» и (b) выявления логических и семантических приемов, которые переключают внимание от обсуждаемой темы (финансирование городской программы по контролю над крысами).

Приведенные частотные данные представлены в виде показателя неясности на определенное количество предложений: например, частотность .03 значит, что *средний* показатель двусмысленных (индекс «1») и неясных (индекс «2») высказываний для говорящего составил 3 единицы на 100 предложений. Первые два раздела таблицы отражают соотношение позитивного (позиция «за») и негативного (позиция «против») отношения говорящего к проблеме по трехмерной шкале неясности и двусмысленности, которая была описана выше. Показатель «абсолютной неясности» представляет данные, получившие крайнюю отметку («2») по данной шкале.

Суммируя полученные данные, мы пришли к выводу, что противники Законопроекта о борьбе с крысами (все они республиканцы или южные демократы) допускали неопределенность в своих высказываниях примерно в четыре раза чаще сторонников Законопроекта; и количественные показатели оказались в четыре раза больше у тех, кто говорил дольше. Противники Законопроекта произносили неясные утверждения (следует отличать от двусмысленных выражений) в восемь раз чаще сторонников; в отношении тех, кто говорил дольше, разница в показателях немного сократилась.

Одним из вариантов толкований полученных данных является то, что противники любого законодательного акта оказываются успешнее сторонников в сборе аргументов и отвлекающих маневров. Данный аргумент не является убедительным, поскольку обе стороны заинтересованы в победе при голосовании. Другой вариант толкования показывает, что *насколько* сторонники на этот раз были искуснее в рациональном дискурсе и лучше говорили по существу дела, намеренно занимая такую позицию из тактических соображений; *настолько* и противникам не хватило умения говорить по существу.

Из второй части статьи, где описывается тактика уклонения в аргументации, мы видим, что проблема с крысами в городах не была оставлена без внимания в правительстве США. Предпринималась попытка одновременно представить доказательства и решить проблему; однако создается впечатление, что основное усилие направлено на то, чтобы «размыть» границы вопроса до неузнаваемости или запутать, отвлечь внимание слушателей. Ниже приведен список категорий, отражающий большинство тактик уклонения и подходящий для описания дебатов по Законопроекту о борьбе с крысами. С другой стороны, данные тактики являются достаточно агрессивными и резко снижают уровень важности обсуждаемого вопроса.

В данном исследовании мы различаем два вида уклонения: (1) расширение рамок рассматриваемого вопроса и (2) усиление эмоционального напряжения дискуссии. Первая тактика уклонения знакома студентам, которые изучают аспекты ведения переговоров [Ikle 1964]. Вторая тактика связана с усилением эмоциональности, снижающей аналитические способности многих людей и вызывающей чувства и представления, не свойственные для разума в спокойном состоянии. По причине того, что каждая политическая партия, участвующая в дебатах, убеждена в своей правильности видения данного вопроса, мы не будем строго разделять эти категории, взятые отдельно и вне контекста.

РАСШИРЕНИЕ РАМОК ВОПРОСА

Объединение нескольких вопросов в один

Несколько выступающих заявили, что вопрос государственной помощи городской программе по борьбе с крысами может быть правильно сформулирован только при наличии од-

ного или нескольких дополнительных вопросов по данной теме, например:

Органы власти. Одни выразили озабоченность тем, что федеральное правительство «поглощает» местные органы управления; другие предположили, что государственный проект разрушит личную инициативу.

Обобщение. Некоторые выступающие настаивали на том, что истинная проблема касается вредителей и их уничтожения. Также была упомянута проблема борьбы с дроздами, воробьями и змеями и статистика по укусам животных (включая укусы лам).

Прагматика. Выступающие заявили, что ни одна подобная программа не сработает, а если даже и сработает, то работа будет выполнена не федеральным агентством, так как ни одна подобная проблема ранее не была решена. (Республиканец Хэйли предложил выпустить на улицы кошек; республиканец Петтис предложил ввести денежное вознаграждение, которое выдается властями за выполнение работы, представляющей ценность для общества.)

Сравнения. Сравнение, конечно, является нормальной и необходимой мерой в оценке различных программ. Однако подобная процедура имеет определенные последствия, а именно, объединяет две проблемы и заставляет некоторых людей подолгу дискутировать о их различиях и сходствах (например, о большом количестве возможных вариантов). Защитники Законопроекта о борьбе с крысами подняли в надежде, например, вопрос о военных расходах, в том числе на войну во Вьетнаме, что стоимость их программ покажется относительно низкой.

УСИЛЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ

Восторг-негодование. Хотя законодательные дебаты могут проводиться в атмосфере ликования и негодования, интересно заметить, что в данном случае предполагается негодование. Даже в том случае, если сторонники Законопроекта будут удовлетворены «демонстрацией ужасов» и проигнорируют мольбы о счастливом и светлом будущем.

Косвенный намек. Во время дебатов можно было услышать частое упоминание о дроздах, змеях, крысах и т.д. Поскольку на тот момент главным обсуждаемым событием было волнение чернокожих в Ньюарке, справедливо признать, что подобные акценты являлись выражением правительственного недовольства в адрес чернокожих бунтовщиков. И сторонники, и противники законопроекта (что широко освещалось средствами массовой информации) говорили о «разновидности двуногих крыс» и «разновидности четвероногих крыс». Представитель южных республиканцев Бройхилл предсказал появление «крысиных членов комиссии», «крысиных попечительских советов», а также украшал свою речь такими фразами, как «эксперт по крысам» и «по-крысиному быстро» (в качестве игры слов) (аллюзия к выражениям «rat smart» и «rat now» – прим. пер.).

Эпитеты. Косвенный намек способен вызвать раздражение оппонентов, что приводит к

смене эмоциональной атмосферы дебатов; но, как мы знаем, второе значение никогда не появляется внезапно. Использование в речи эпитетов свидетельствует об очевидной и нескрываемой цели выступающего спровоцировать слушателей. В настоящих дебатах, противники называли Законопроект «смешным», «постыдным», «нелепым» и «чудовищным».

Недоверие. Обе стороны предположили, что противники и их эксперты были дезинформированы, введены в заблуждение и, возможно, некомпетентны. Такое провокационное поведение, в большей мере свойственное противникам законопроекта, проявлялось в значительной степени на уровне намеков и не было подкреплено фактами. В некоторых перепалках характер недоверия производил впечатление, будто соперники намеренно обманывали друг друга и скрывали правду.

Доведение до абсурда. Некоторые из вышеперечисленных способов заимствуют подобную разновидность насмешки. Таким образом, в результате умелой манипуляции концептуальными категориями насмешка прослеживается в следующих предложениях: Являются ли крысы разновидностью миграции в природе? Должно ли правительство нести ответственность за укусы других представителей фауны, например, жуков и белок? Может быть, кто-нибудь в правительстве уже создал данный Законопроект, так как по всем другим вопросам законы уже приняты? И так далее. В других случаях составные части предложения были сильно изменены, чтобы программа в итоге получилась очень дорогостоящей, непосильной для всех органов местной власти или совсем разорительной и бесплодной, нерезультативной.

В данной статье проведено исследование случаев привнесения неясности в высказывания и способов, препятствующих рациональности, на примере дебатов в Палате представителей США по законопроекту оказания государственной поддержки городским властям в борьбе с грызунами. Мы пришли к заключению, что неясные и двусмысленные выражения значительно реже звучали в речах сторонников законопроекта (демократов и либеральных республиканцев), чем противников (республиканцев и демократов-южан).

Было выявлено несколько риторических тактик, направленных либо на отвлечение внимания от обсуждаемой темы, либо на усиление эмоциональной составляющей дебатов, что препятствовало дальнейшему рациональному обсуждению вопроса.

В ходе исследования появилось несколько гипотез, которые, однако, требуют дальнейшего изучения.

(1) Чем продолжительнее дебаты, тем больше согласие сторон, в том числе между вновь образовавшимися фракциями.

(2) Чем продолжительнее дебаты, тем реже звучат общие термины в выступлениях сторон,

имеющих различные точки зрения на решение проблемы.

(3) Чем продолжительнее дебаты, тем больше появляются отдельных вопросов, которые представляются якобы важными.

(4) Участники дискуссии, которые допускают большее количество неясных и двусмысленных высказываний, в меньшей степени способны ясно выразить свои мысли по обсуждаемому вопросу.

(5) Выступающие, которые создают эмоциональное напряжение, в большей степени рассчитывают на неясность и двусмысленность в достижении цели.

(6) Те, кто больше полагается на неясность-двусмысленность, чаще используют риторические тактики разобщения, обобщения и различные виды эмоциональной провокации.

Несмотря на то, что данные гипотезы нуждаются в более детальном и расширенном исследовании, чем представленное в данной работе, нам, возможно, удалось дать общее представление о вопросах, которые волнуют исследователей поведения в политической науке. В частности, мы касались вопросов (1) перехвата внимания, (2) исключения появления альтернативных или двойных формулировок обсуждаемого вопроса, (3) окончания прений.

Полученные данные показывают очевидность того, что формулировка вопросов и последствия неуместности и двусмысленности в дебатах рождают совокупность дегенеративных высказываний, даже если обсуждаемая проблема и политический контекст требуют серьезного размышления.

В наше время излишне задавать вопрос, присутствуют ли подобные тенденции в законотворческих дискуссиях; интересует лишь одно: почему мы перестали верить в разумные рассуждения демократических собраний? Критика многолюдного, индустриализированного и бюрократизированного общества заставила нас осознать опасности манипуляции и мистификации. Тем более, если политики могут удобно спрятаться в тени намеренной неясности, то социологи и ученые не могут позволить себе подобного поведения.

ЛИТЕРАТУРА

Edelman M. The Symbolic Uses of Politics. – Urbana, Ill., 1964.

Edelman M. Myths, Metaphors, and Political Conformity // Psychiatry. 1967. 30 (Aug.). P. 217.

Ikle F.Ch. How Nations Negotiate. – New York, 1964.

Lasswell H.D., Leites N. The Language of Politics. – Cambridge, Mass., 1965, first published 1949.

The Myth of the Machine. – New York, 1967.

Wender P. Communicative Uncertainty: Some Comments on the Rhetoric of Confusion // Psychiatry, 1967. 30 (Nov.). P. 332.

© Стрикленд Д.А., 1969

© Калыгина М.Ю. (перевод), 2010